



**Гайденко П. И.**

**Сколько стоила «жизнь» инока в домонгольской Руси?  
(небольшие наблюдения о социальном статусе  
древнерусских иноков)**

Сформулированный вопрос: сколько стоила жизнь монаха в Древней Руси? – одновременно и прост, и сложен в своём разрешении. Действительно, как дорого оценивалась жизнь «обычного» или «не совсем обычного» человека на Руси? В рассматриваемом случае под *жизнью* понимается не только физическое, «экзистенциальное», существование, но и имение священника или инока, за счёт которого он мог обеспечивать себя, кормить семью или братию и совершать службу<sup>1</sup>. Ответ самоочевиден, как и банален заданный вопрос. Однако, для нас интересна не только житейская, но и социально-историческая, правовая и даже материальная сторона дела.

Так или иначе, но заявленную проблему удобнее всего было бы представить в двух плоскостях: в каноническо-правовой и социальной. В первом случае представляет интерес выяснение того, насколько была защищена жизнь, здоровье и имущество инока в древнерусских законах, а главное, присутствовала ли эта протекция в каноническо-правовых реалиях древнерусского государства. Второй вариант рассмотрения вопроса более сложен, поскольку предполагает оценить жизнь монаха не только с точки зрения степени защиты её неприкосновенности, но и в контексте того, какие обстоятельства влияли на формирование её «стоимости», с учётом того, что монах, обременён-

---

<sup>1</sup> Представление о собственности как о «жизни» присутствует уже в раннем летописании. Под 1158 г. летописание сообщает: «Сии бо Ярополк . вда всю жизнь свою . Небльскую волость . и Деревьскую . и Лучьскую . и около Киева» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492). А в «Псковской судной грамоте» кон. XIV – первая половина XV вв.) категория «жизь» уже закреплена как юридический термин, обозначающий движимое имущество (Псковская судная грамота (1397-1467): Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста / сост. И. И. Васильев, Н. В. Кирпичников. Псков, 1896. С. 31 [п. 90]). Более детальный анализ категории «жизнь» представлен у В.В. Колесова (*Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. Словоуказатель. М., 2014. С. 64.*)

ный обетами, в ряде случаев ещё был облечён более или менее высоким священноиерархическим саном. Последнее обстоятельство особенно интересно, если учесть, что древнерусское иночество было тесно связано с боярско-дружинной средой, и обозначенный фактор не мог ни сказываться не только на социальном и внутрицерковном статусе монаха, но и на его правовом положении.

При том, что заявленная тема многократно всплывала в разнообразных работах, однако, как будто бы ещё ни разу ценность монашеской жизни не становилась предметом специального исследования. В лучшем случае, подробному рассмотрению и изучению подвергались обстоятельства страданий и/или смерти иноков, как, например, события, связанные с трагической кончиной печерского монаха Григория<sup>2</sup>, убийством принявшего монашество князя Игоря или мучениями монахов Феодора и Василия<sup>3</sup>. При этом исследователи ни разу не задавали вопрос: какую ответственность нёс виновный за оскорбления, наносившиеся иноку или за убийство монаха? Поиск ответа на сформулированную проблему позволил бы лучше понять и социально-правовой статус монахов в домонгольской Руси, и предоставил возможность ещё более приблизиться к осознанию правовой ситуации на Руси в отношении церковных институтов.

Необходимо заметить, что древнерусские канонические и правовые источники продолжительное время никак не оговаривали вопросы безопасности жизни священнослужителей и монахов. И обозначенное обстоятельство весьма примечательно. Даже, если учесть, что благое иго Христово совершенно не обещает последователям Богочеловека счастливой земной жизни и даже готовит их к принятию скорбей [2 Кор. 1: 5-7], уже в эпоху Вселенских соборов византийское и святоотеческое каноническо-правовое сознание озаботилось не только о церковной, но и о государственной защите пастырей и монахов<sup>4</sup>. Одним из первых результатов таких усилий стало создание «Номоканона I титулов», которому со временем на смену пришёл «Номоканон

---

<sup>2</sup> Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4: XII век. СПб., 2004. С. 410, 411; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 211; *Ольшевская Л.А.* «Прелесть простоты и вымысла...» // *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* Древнерусские патерики. М., 1999. С. 235-236; *Максимов В.И.* Стugna и Днепр или история утопления юного князя Ростислава, брата Мономахова, по тексту «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 16-17. М., 2014. С. 886-897.

<sup>3</sup> Киево-Печерский Патерик... С. 454-457; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 247; *Ольшевская Л.А.* «Прелесть простоты и вымысла...»... С. 237.

<sup>4</sup> См. подробнее: *Цытин В., прот.* Каноническое право. М., 2012. С. 771-775.

XIV титулов»<sup>5</sup>. Римское правосознание, не отрицало авторитета евангельской жертвенности, но в условиях земных реалий руководствовалось своими, во многом отличными от церковного взгляда принципами в плоскости охраны жизни, собственности и имущества граждан. В результате, империя аккуратно и даже настойчиво ограждала жизнь, честь и скудное имущество иноков, иерархических лиц и священнослужителей от воров<sup>6</sup>, оскорбителей, насильников<sup>7</sup>.

Ситуация в Древней Руси видится более сложной. Источники, во всяком случае, то как они прочитываются на данный момент, не позволяют утверждать, что священнослужители и монахи пользовались не только особыми, но даже обычными правами в обозначенной плоскости. Ни нормы Русской Правды, ни нормы, действовавших на Руси в XI-XIII вв. церковных канонических правил никак не оговаривают вопросы охраны имущества, здоровья, чести, достоинства и даже жизни священноиерархических и монашествующих лиц. Впрочем, обстоятельства дела Луки Жидяты<sup>8</sup> и суд над любимцем Андрея Боголюбского ростовским епископом Феодором<sup>9</sup> дают основание полагать, что византийские нормы, во всяком случае, нормы «Эклоги» были хорошо знакомы иерархам. Иное дело, что они применялись в исключительных случаях, причём случаях, связанных с судебной деятельностью митрополичьей кафедры<sup>10</sup>.

В рассматриваемой плоскости особенно интересен первый пример. Дело новгородского Луки Жидяты, обвинённого в «неподобных речах», привело к временному отстранению архиерея от кафедры и аре-

---

<sup>5</sup> Митрофанов А.Ю. Церковное право и его кодификация в период Раннего Средневековья (IV-XI в.). М., 2010. С. 304-308.

<sup>6</sup> Необходимо отметить, что большая часть византийского епископата в сравнении с древнерусскими иерархами была бедна. Скромность имущества и несущественность личных средств, которыми обладали греческие иерархи удивляла иностранцев, оказывавшихся в пределах империи (Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. СПб., 2014 С. 102).

<sup>7</sup> Так, 3 правило XVI титула Эклоги защищало имущественные права клириков на наследование родительского имущества. 4 правило XVII поднявшему руку на иерея, или ударившему священника угрожает высечением и изгнанием, а 23 и 24 правила XVII титула определяют отсечение носа для тех, кто обесчестил или похитил монахиню.

<sup>8</sup> ПСРЛ. Т. 3. С. 182-183; Т. 4. С. 118.

<sup>9</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 551-554.

<sup>10</sup> Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI – середина XIII века): Несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 45. 2011. № 12 (227). С. 108.

сту, «удержанию», в Киеве. В чём его обвиняли конкретно, источники прямо не говорят. Но хорошо известно, что по возвращении Луки на кафедру, оговорившие его «холопы» были наказаны, с позиции русского правосознания, не знавшего членовредительных мер в отношении виновных в преступлениях, крайне жестоко. Дудице были отрезаны нос и обе руки, после чего тот был вынужден бежать «в немци»<sup>11</sup>.

Проанализировав ситуацию и принцип «зеркального» наказания виновного в ложном доносе, В.В. Мильков резонно заметил, что наиболее вероятно, Луке помимо политических обвинений инкриминировали сексуальные проступки<sup>12</sup>. Точнее, если судить по отрезанному носу, епископу, скорее всего, вменяли развратные действия в отношении монахинь<sup>13</sup>. Учитывая, что византийское право применительно к монахиням не видело принципиального различия между соблазнением и изнасилованием, определить<sup>14</sup>, что конкретно инкриминировали Луке не представляется возможным. Тем не менее, описанный случай нельзя рассматривать в качестве достаточно убедительного доказательства присутствия в русской правовой практике византийских норм, призванных защитить честь инокинь, о которых источники не упомянули и пол-словом. Обвинения против Луки Жидята, как и совершённая через столетие жестокая расправа над ростовским епископом Феодорцом с использованием норм византийского права свидетельствовали в пользу обратного. Византийские церковные законы на русской почве XI-XII вв. применялись крайне редко, с нарушением судебных процедур, принятых в империи<sup>15</sup>. На Руси их

<sup>11</sup> ПСРЛ. Т. 3. С. 183; Т. 4. С. 118.

<sup>12</sup> Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI век. 2009. № 2. С. 146-152.

<sup>13</sup> Гайденок П.И. Священная иерархия Древней Руси (XI-XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 104-105.

<sup>14</sup> Гаген С.Я. Византийское правосознание IV-XV вв. М., 2012. С. 180.

<sup>15</sup> Если высказанные догадки верны, то те же инокини, которые могли подвергнуться насилию или соращению, не были представлены суду. Необходимо заметить, что древнерусское право, согласуясь с византийскими нормами, предполагало неперемное присутствие самого пострадавшего и предъявление им «поличного», прямых и желательно материальных свидетельств нарушения его прав и причинённого ему ущерба (Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-западной Руси XII-XV вв. М., 2011. С. 370-371). Но судя по тому, что суд над Лукой строился на основе «свидетельских показаний» доносителей, можно заключить, что эти инокини не представляли перед митрополицим судом. В результате, об их существовании можно только догадываться.

использование имело избирательный и исключительный характер, преследуя цели, порождённые внутрицерковной и политической интригой<sup>16</sup>. Однако почти всякий раз, когда дело доходило до действительных угроз и реального насилия в отношении представителей церковной иерархии и в том числе монашествующих, источники не позволяют говорить о системной, основанной на законе, защите потерпевших.

То, что жизнь священнослужителей порой подвергалась угрозам и насилию как со стороны отдельных злоумышленников или группы лиц, так и со стороны жителей отдельных поселений, несомненный факт. Причём, от убийства, грабежа, отбора имущества<sup>17</sup> и иных похищений на жизнь и собственность представителей церкви не были защищены как обычные иноки и священники, так и иерархи. Если отложить в сторону случаи гибели клириков и иноков, а также разграбления монастырей и церквей от рук половцев<sup>18</sup> или междоусобных столкновений<sup>19</sup>, если отбросить несчастные случаи<sup>20</sup>, а также

---

Так или иначе, но всё это указывает на надуманность формальных обвинений, выдвинутых против новгородского епископа.

<sup>16</sup> Гайденко П.И. Ещё раз о суде над Лукой Жидятаой (1055-1059 гг.) // Каптеревские чтения. 7. М., 2009. С. 53-63; Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята... С. 146-152.

<sup>17</sup> Примером подобных действий может служить борьба горожан за возвращение в епархиальную казну оказавшегося в руках ростовского епископа Кирилла имущества. Сложность ситуации заключалась в том, что в то время, как византийское право допускало сохранение за уходящим на покой архиереем сделанных ему за время служения дарений, древнерусская практика, напротив, исходила из убеждённости, что святитель имеет право распоряжения врученными ему бргатствами только при условии прямого исполнения им своих первосвященнических обязанностей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452; Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 109; Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI-XIII вв.)... С. 22).

<sup>18</sup> Источники приводят немало примеров, наглядно иллюстрирующих жестокость половцев. Самые яркие из них: разграбления Печерского монастыря в 1096 и 1171 гг. и пленения иноков, отмеченные не только в летописании, но и в рассказах Печерского Патерика (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 222, 545; Киево-Печерский Патерик... С. 366-369, 368-373, 450-451).

<sup>19</sup> Наиболее наглядный и даже показательный пример подобного разграбления — действия суздальцев после взятия Киева, описанное под 1171 г.: «Взят же быс[ть] Киев . м[е]с[я]ца марта в . 8 . в второе недели . поста . в среду . и грабиша за . 2 . днивесь град Подолье и Гору . и манастыри . И Софью ю и Десятинную Б[огороди]цю и не быс[ть] помилования» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 545).

не принимать во внимание результаты церковных судов, решения которых иногда хоть искренне и радовали свидетелей совершившихся актов, но почти всякий раз при этом оказывались плачевными для подсудимых<sup>21</sup>, то и в таком случае перечень казусов подобного насилия оказывается достаточно обширным.

Так, согласно церковным преданиям, был убит язычниками Леон Ростовский<sup>22</sup>. Свои холопы задушили в Киеве новгородского епископа Стефана<sup>23</sup>. Другой новгородский архиерей, Феодор, оказался перед угрозой расправы со стороны городской толпы<sup>24</sup>.

Подобные угрозы представляли реальную опасность и для священников. Наиболее наглядный пример — обстоятельства восстания волжков в Белоозере (1069/1071). Именно тогда там погиб «поп» из обоза Яня Вышатича<sup>25</sup>. Но иногда пастырям удавалось избежать смерти и отделаться побоями.

О том, что священнослужители могли быть поколочены и унижены толпой, свидетельствует история 1337 г., связанная с именем юрьевского архимандрита Иосифа. По сообщению Новгородской Первой летописи, в то лето «наважениемъ диаволимиъ сташа простая чадь на анхимандрита Есифа». В результате разгневанные новгородцы загнали несчастного в Никольскую церковь и заперли его там, а сами «седоша около церкви ночь и день». Вечевым решением Иосиф был

<sup>20</sup> Это в полной мере относится к обстоятельствам гибели новгородского епископа Феодора, которого «уяде» собственный пёс (ПСРЛ. Т. 3. С. 473), двух утонувших в 1145 г. в Волхове двух священников (ПСРЛ. Т. 3. С. 213) и двух попов, погибших во время пожара 1299 г. в Новгороде (ПСРЛ. Т. 3. С. 329).

<sup>21</sup> Имеются ввиду церковные суды над епископами Лукой Жидятой (ПСРЛ. Т. 3. С. 183; Т. 4. С. 118), ростовскими епископами Феодором (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 551-554) и уже упоминавшимся Кириллом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452), игуменами Авраамием Смоленским (Житие Авраамия Смоленского // БЛДР: Т. 5: XIII век. СПб., 2005. С. 30-65) и Поликарпом Печерским (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354), разбирательства, связанные с позицией Нифонта новгородского (ПСРЛ. Т. 3. С. 214-215, 216) и, наконец, арест туrowsкого епископа Иоакима (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 314; Т. 2. Стб. 330; *Цветков С.Э.* Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054-1212. М., 2009. С. 256; *Петр (Гайденко П.И.), иером.* Кирилл Туrowsкий и его время: наблюдения и замечания // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. Вып. 1(7). С. 97-99).

<sup>22</sup> Летописец о ростовских архиереях / сост. свт. Димитрий Ростовский. СПб., 1890. С. IV, 1.

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т. 3. С. 473.

<sup>24</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 170-171.

<sup>25</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 166.

отстранён от архимандритии в пользу игумена Лаврентия. Правда, через год, со смертью последнего, архимандритство вновь вернулось к Иосифу<sup>26</sup>. Обычно описанный эпизод привлекал внимание исследователей в качестве сюжета, иллюстрирующего вечевой характер выборности архимандритов. Однако нас интересует иное, «этическая» сторона действий, которыми сопровождалась процедура отрешения священнослужителя от своих обязанностей. При том, что затронутая история выходит за хронологические рамки интересов представленного исследования, она вполне может рассматриваться в качестве своего рода ключа, объясняющего, например, почему в 1230 г. умер после своего отстранения и заключения в келью юрьевский игумен Савва<sup>27</sup>. Судя по всему, смерть стала результатом того, что он не смог перенести нанесённых ему оскорблений.

Священнослужители могли столкнуться с неуважением к себе не только со стороны толпы и властимущих, как это обнаруживается в словах князя Олега Святославича<sup>28</sup>, но и иноков. Житие Феодосия Печерского сохранила историю о некоем священнике, который пришёл в монастырь Феодосия с просьбой получить у преподобного недостававшие для службы просфоры и вино. Несмотря на то, что Феодосий пообещал помочь бедному пресвитеру, пономарь отказывался выдавать требуемое, выказывая откровенное непочтение к просителю, который, между тем, был облечён саном и в каноническом отношении был выше наглого служки, являвшегося всего лишь простым монахом<sup>29</sup>.

Не менее примечательна галицкая история, описанная под 1188 г. Ипатьевская летопись сообщила о том, как Владимир Ярославич Галицкий «поя оу попа женоу и постави себе женоу», от которой имел двоих детей<sup>30</sup>. Те безнаказанность, с которой действовал князь, и

<sup>26</sup> ПСРЛ. Т. 3. С. 347-348; Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 167.

<sup>27</sup> ПСРЛ. Т. 3. С. 70.

<sup>28</sup> Получив приглашение явиться на братский суд, который должен был состояться перед старейшинами города и духовенством, Олег дерзко и решительно ответил: «не лепо судити еп[и]с[ко]помъ и черньцемъ или смердомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 220). Очевидно, что духовенство и монашество было поставлено князем на одной ступени со смердами.

<sup>29</sup> Житие Феодосия Печерского // ПЛДР: XI — начало XII века. М., 1978. С. 362-365.

<sup>30</sup> Похищение или отъём чужой жены, а тем более супруги священника — несомненные грех и преступление, квалифицируемые, как «умыкание», которое к тому же представляло древнюю форму брака (Российское законодательство X-XX веков: В 9 т.: Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 145;

*Георгиевский Э.В.* Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М., 2013. С. 101-107; *Георгиевский Э.В.* Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М., 2014. С. 162-164.). Но судя по всему, данное обстоятельство вызвало возмущение не у церковных властей (о реакции епископата на произошедшее ничего не известно), а у галицких бояр и местных элит (ПСРЛ. Т. 2. Стб 659). И это весьма показательно, поскольку в Древней Руси защита интересов женщин, скорее всего, возлагалась на церковь (*Георгиевский Э.В.* Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси... С. 49). Во всяком случае, попадьё и её супруг должны были получить протекцию епископа, поскольку относились к числу т. н. «людей церковных» (Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / сост. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 19). Не меньшую остроту представляет и вопрос о рождённых в этом браке детях. При том, что нормы Русской Правды не распространялись на князей, а те, в свою очередь, не считал себя обязанными подчиняться ими же установленным законам, вопрос о рождённых детях не прост. С принятием христианства на Русь пришло и понятие «незаконного рождения», как, например, это хорошо представлено в истории Святополка Окаянного, рождённого «от греховного бо корени» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 66). Правда, история Святополка тенденциозна. С точки зрения христианских норм права Ярослава Владимировича на престол были не менее сомнительными и единственными претендентами на престол могли рассматриваться только Борис и Глеб (*Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003. С. 38-39). Но так или иначе, «законным» признавался исключительно христианский брак. Однако и в таком случае ситуация сохраняла свою двусмысленность. Современники, как и сам летописец, признавали брак князя. Поэтому вопрос о церковно-правовой оценке произошедшего в Галиче не получил внятной и ясной оценки. А значит, были ли эти дети бастардами или же их права получили официальное или, по крайней мере, «общее» признание, однозначно определить крайне сложно. К тому же в указанной летописной статье примечательно ещё одно обстоятельство. В качестве потерпевшего выступает не украденная попадьё, а её супруг, «галицкий поп». В какой-то мере статус данной женщины напоминает положение украденной вещи. Очевидно, что поведение попадьё и её отношение к произошедшему проникнуто противоречиями уже в силу «пассивности» бывшей супруги священника. Ничто не указывает на то, что она «растроилась» в связи с произошедшими в её жизни переменами. Во всяком случае, современники и свидетели княжеского своеволия в похищенной не видели потерпевшую. Пострадавшим воспринимался супруг, положение которого действительно оказывалось крайне сложным, поскольку, согласно канонам, он не имел права вступить во второй брак, как и не имел права обратно принять свою жену, даже если бы та получила свободу вернуться в его дом (Ап. 18; Неокес. 8; Трул. 3, 13; Правила Православной Церкви с толкованиями Нико-



беззащитность, в которой оказался «галицкий поп», вполне наглядно рисуют нравы эпохи и положение священника в социальной иерархии Древней Руси.

Впрочем, сомнительно, чтобы священник в возникшей ситуации искал и нашёл бы управу на обидчиков у епископа. Во-первых, между духовенством и епископами нередко пролегла пропасть взаимного непонимания. Так, епископ Нифонт узнавал о жизни своего духовенства только из уст своих секретарей-экспостилариев<sup>31</sup>. Правда, его предшественник на кафедре, Никита, иначе смотрел на подобное общение. История беспримерно близких отношений Никиты и ирландского монаха Антония Римлянина обнаруживается в том, что Антоний доверил архиерею на хранение свой скарб<sup>32</sup>, а Никита, в свою очередь, пробовал принимать самое деятельное участие в строительстве создававшейся Антонием обители и встретил свой смертный час при молитвенной поддержке ирландского «друга»<sup>33</sup>. Но описанное, скорее, удивительное исключение, чем рутинная реальность. Во-вторых, епископы могли и вовсе не вникать в жизнь монастырей и тем более мирских храмов, большая часть которых в домонгольский период оставалась ктиторскими<sup>34</sup>, то есть являлись собственностью донаторов, что ещё больше ограничивало полномочия епископов на территории таковых церквей и обителей<sup>35</sup>. Не в пользу святительской ревности свидетельствует комплекс вопросов, входивших в ведение епископов, но, судя по всему, не разрешавшихся на месте и вынесенных на рассмотрение митрополитов Иоанна и Георгия<sup>36</sup>. Судя по объёму

---

дима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 80, 444-446, 473-483; Т. 2. С. 30).

<sup>31</sup> Гайденко П.И., Фомина Т.Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. № 16 (270). С. 83-92.

<sup>32</sup> Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и иссл. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 262-263.

<sup>33</sup> Сказание о житии преподобного Антония Римлянина... С. 263-264.

<sup>34</sup> Стефанович П.С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Церковно-исторический вестник. 2007. № 1. С. 117-133.

<sup>35</sup> Фомина Т.Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 158-161, 176.

<sup>36</sup> См. подробнее: Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. СПб., 1880. Стб. 1-20; Неведомы(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игоумену въпрашающу . оному поведаящю // Славяне и их

изложенных митрополитами ответов, касавшихся регламентации служб, монастырского быта и даже деятельности и поведение иерархов, епархиальные архиереи не вникали в особенности и «мелочи» пастырской и иноческой жизни, оставляя священство и игуменов наедине с их проблемами и трудностями.

Прозаичность воссоздаваемой на основании источников ситуации во многом заключается ещё и в том, что едва ли не злейшими «грабителями» духовенства оказывались сами архипастыри. Столь нелюбимой характеристикой летописцы «наградили» ростовских епископов Феодора<sup>37</sup> и Кирилла<sup>38</sup>, суздальского епископа Леона<sup>39</sup>. Указания или намёки на материальные злоупотребления содержатся в характеристиках деятельности Нифонта Новгородского<sup>40</sup> и ещё целой череды новгородских архиереев. Но наиболее откровенное и даже отчаянное признание святительских «несовершенств» прозвучало в панегирике добродетельного ростовского епископа Пахомия, христианские и пастырские поступки которого были противопоставлены качествам иных архиереев, которые сравнивались с «грабителями» и «волками», т. е. с евангельским образом Дявола<sup>41</sup>. Судя по тому, что обширное посмертное слово о Пахомии составляет основу записи 1216 г., справедливо заключить, что в глазах современников достоинства епископа действительно воспринимались как выдающиеся, а его смерть — знаменовала значительную утрату для ростовской паствы. О степени «грабления» духовенства со стороны епископов можно судить на основании решений Владимирского собора 1274 г., которые, с одной стороны, осуждали огромные поборы в пользу архиереев, а с другой — легитимировали их через регламентацию и «тарификацию»<sup>42</sup>.

---

соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 233-255.

<sup>37</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356.

<sup>38</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

<sup>39</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349; Т. 2. Стб. 493.

<sup>40</sup> ПСРЛ. Т. 3. С. 216.

<sup>41</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 439; Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М.; Л., 1966. С. 150-154.

<sup>42</sup> Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 83-93; Гайденко П.И. Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 229-239.

Таким образом, и высшее, и обычное священство не было ограждено от насилия как со стороны населения и его правящих элит, так и со стороны своих «собратьев». Казалось бы, такое развитие ситуации должно было бы породить целую систему юридических и канонических норм, направленных на защиту прав и самой жизни духовенства.

О степени защищённости (или незащищённости) русского клира от насилия можно судить по штрафам и наказаниям, налагавшимся на виновных в оскорблении или убийстве священнослужителей. Однако такая оценка должна быть представлена в сравнении с иными системами права.

К XI-XIII вв. каноническое право Византии и западноевропейских государств разработало широкий спектр норм, призванных обеспечить безопасность служителей Церкви. Между тем, каноническо-правовая и административно-территориальная ситуация на Руси XI-XII вв. в значительной мере повторяла положение дел в Западной Европе VI-IX вв.. Необходимо признать, что уже в обозначенный период правители Европы приняли необходимые меры, основанные, главным образом, на системе штрафов, что напоминало принципы действия Русской Правды. Так, например, согласно норм Салической правды за убийство священника устанавливался штраф 600 солидов, диакона — 300, а епископа — 900<sup>43</sup>. При установлении соотношения перечисленных наказаний с размерами вир за убийство представителей иных социальных групп можно отметить, что стоимость жизни латинского священника соответствовала цене жизни графа или свободного человека, не состоявшего на королевской службе, ибо в противном случае штраф бы выросал в три раза<sup>44</sup>. Если учесть, что вес золотого солида составлял 4,55 грамм, то величина взыскания по меркам Раннего Средневековья представляется колоссальной. Однако, в условиях Древней Руси вопросы охраны жизни священнослужителей и монахов продолжительное время никак не оговаривались. Впервые штраф за убийство священника встречается только в документах конца XII столетия, в договорах Новгорода с Готским берегом. За совершённое преступление виновный готландец был обязан уплатить штраф в 20 гривен<sup>45</sup>. Очевидно, установленная в договоре норма воз-

<sup>43</sup> Салическая правда / пер. Н. П. Грацианского; под ред. В. Ф. Семёнова // Учёные записки. М., 1950. Т. 62. С. 53.

<sup>44</sup> Салическая правда... С. 52, 57.

<sup>45</sup> Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде // ГВНП / под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 56.

ника под влиянием западноевропейского права и как-то связана с функциями, которые мог нести священник, входивший в состав торговых посольств. Вероятно, на священнослужителей периодически возлагалось выполнение каких-то посольских обязанностей<sup>46</sup>. Правда, возникает вопрос о том, чей это был посол: Новгорода или купеческой корпорации? Едва ли бы столь невысокая сумма, равнявшаяся вире за двоежёнство<sup>47</sup>, взымалась за убийство посла, действовавшего от имени Новгорода.

Между тем, если жизнь «попа», включавшегося в состав торгового посольства, хоть как-то оговаривалась в договоре, то памятников права, предусматривавших меры по защите духовенства на канонической территории киевской митрополии в XI–XIII вв., обнаружить исследователям не удалось. Судя по имеющимся источникам, впервые церковная иерархия озаботилась вопросами безопасности своего духовенства только в самом конце XIII — начале XIV столетий<sup>48</sup>. Относящееся к этому периоду «Правило святых отец», наверное, первый каноническо-правовой акт, призванный защитить духовенство и епископат от различного рода насилий. Однако видеть в «Правило» законодательное установление преждевременно. Скорее всего, данный памятник следует рассматривать в качестве своего рода призыва, грозного увещания. При этом сомнительно, чтобы угрозы вселенского собора, ограждавшего честь и неприкосновенность жизни пастырей и высших иерархов были обращены к монголам. Более вероятно иное: адресатами выступали местные власти и население, т. е. «добрые христиане». Самое примечательное, что в течение всего раннего периода истории Русской Церкви не прослеживается не только следов каноническо-правовых усилий высшей иерархии по охране жизни и здоровья пастырей, но и следов каких-либо иных шагов, например, проповедей, в которых обозначенная тема могла бы быть представлена.

Отмеченное не означает, что в домонгольский период истории Церкви и государства жизнь пастырей не подвергалась опасности или не получала защиту. Приведённые выше примеры наглядно рисуют всю неоднозначность и даже неприглядность правового положения священнослужителей в древнерусском государстве, в том числе тех из

---

<sup>46</sup> *Оспенников Ю.В.* Правовая традиция Северо-западной Руси XII–XV вв. М., 2011. С. 346–347.

<sup>47</sup> Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 87 [Ст. 17].

<sup>48</sup> Правило святыхъ отецъ 175. 5-го събора о обидящихъ церкви Божья и священныя власти ихъ // РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 145–146.

них, которые принимали иноческие обеты. Однако для понимания происходящего недостаточно разбора одной лишь юридической составляющей вопроса. Возможно, что и паства, и сама церковная среда воспринимали регулярно постигавшие иночество и священство скорби и беды, как нечто вполне естественное, закономерное и даже благое.

Монашество не стояло в стороне от описанных проблем. Уже приводившиеся истории бедствий некоторых игуменов, т. е. настоятелей монастырей, обладавших священным саном игумена, вполне ясно указывают на то, что иночество во многом разделяло судьбу священства. Впрочем, сообщения источников позволяют говорить о большем: правовое положение иноков оказывалось значительно уязвимее.

Казалось бы, защита интересов духовенства, членов причта и монастыревых должна была бы найти отражение в нормах Церковных Уставов. Однако, «статьи» древнейших русских законоположений если и рассматривали перечисленных лиц, то не в качестве субъектов, нуждающихся в защите, а как персон, способных и даже склонных к определённого рода правонарушениям. Священство и монашество, а также попадьи и просфирницы привлекали внимание составителей Устава Ярослава только в весьма «пикантных» ситуациях: если перечисленные категории либо впадали в блуд, либо упивались «без времени»<sup>49</sup>. Последнее обстоятельство особенно примечательно. В результате, как для современников, так и для историков, пристрастие значительной части древнерусского духовенства и монашества к пьянству, как и склонность некоторых жён духовенства к изменам, хорошо известный факт. Но невнимание составителей Устава, к коим относился не только Ярослав, но и митрополит Иларион, участие которого в создании первого канонического государственно-канонического свода на Руси не вызывает сомнений, к обеспечению прав священства нуждается в некотором осмыслении.

Несомненно, первый митрополит-русин Иларион личность выдающаяся, а его взгляд на процессы христианизации Руси, позволяет видеть в нём человека и писателя, способного к своего рода радостному, светлому и оптимистическому взгляду на действительность<sup>50</sup>. Между

---

<sup>49</sup> Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод]... С. 89 [Ст. 44, 45, 46].

<sup>50</sup> См. работы: *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // *Россия XXI век.* 2009. № 4. С. 112-155; № 5. С. 98-121; *Овчинников Г.К.* Иларион-Русин — выдающийся мыслитель Древней Руси (Очерки жизни и творчества). М., 2011; *Ужанков А.Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014.

тем, нарисованная митрополитом в Слове о Законе и Благодати впечатляющая картина масштабного распространения христианства в ряде случаев если совершенно и не противоречит исторической действительности, то, очевидно, крайне далека от неё. Объяснения возникающего диссонанса исключительно риторическими принципами созданного им произведения и герменевтическими особенностями текста, нам видятся не вполне достаточными. Нельзя не принимать во внимание, что Иларион, оказавшийся волей судеб на вершине церковной лестницы митрополии и изливавшихся перед ним благ, описывал то, что открывалось ему из окон его кельи и с высоты папертей храма святых Апостолов в великокняжеском замке Берестова и Софийского собора Киева, расположенного возле роскошных княжеских городским замком столицы. Бедное духовенство, испытывавшее реальную нужду<sup>51</sup>, как и аскетическая часть монашества либо не попадали в поле зрения святители, либо не замечались им на блистательном фоне жизни Киева и княжеского окружения. Поэтому неудивительно, что создавая Устав, митрополит мог и не увидеть реальных трудностей священнической жизни, требовавшей княжеской и святительской защиты.

Впрочем, высказанная оценка не будет полной, если не принять во внимание, пожалуй, единственную статью, в какой-то мере оговаривающую «имущественные» права «черньцов». 46 статья Архитепа Пространной Правды определяет: «Аже будут холопи татие либо княжи, либо боярьстии, либо черньчи, их же князь продажею не казнити, зане суть не свободни, то двоичи платити ко истьцю за оби-

---

<sup>51</sup> О бедности и крайне низкой культуре значительной части древнерусского духовенства свидетельствуют и отмеченные под 1037 г. мереприятия Ярослава Мудрого по материальному обеспечению киевских священников (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 141), и крайняя скудость быта и нелюбимая нравов в среде мирских «попов», открывающиеся в вопрошании Кирика (*Гайденко П.И.* Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культура: В 3 ч. / отв. ред. В. В. Мильков. Великий Новгород, 2012. Ч. 2. С. 139-157), и обличения сельских пастырей, в их готовности посещать языческие пиры и игрища, а также служить за требы на праздниках рожаницы (Слово св. Григория, изобретено в толцех о том, како первое погани суще язвци кланялися идолом и требы им клали // *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2013. С. 289; Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере // Там же... С. 305; *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2013. С. 110-113; *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. М., 2009. С. 266-286).

ду»<sup>52</sup>. Указанная статья примечательна не только тем, что обнаруживает значительно большую материальную и юридическую состоятельность владельцев холопов и в том числе и владельцев в лице монашества<sup>53</sup>, но и то, что, скорее всего, это могли быть не только церковные или монастырские, но и «чернчи» холопы, то есть, находящиеся в личной собственности отдельных иноков. По сути, приведённая статья обнаруживает, что к моменту её написания монахи, а, возможно, и сама церковь в лице кафедр, а также монастыри, обладали холопами и государство устанавливало ответственность иноков за поступки, находившихся в их собственности слуг<sup>54</sup>.

Между тем, нельзя сказать, что власти вообще не защищали своих священнослужителей и иерархов. Уже упоминавшаяся месть Яня Вышатича за смерть священника<sup>55</sup> или храбрые решительные действия князя Глеба, защитившего новгородского святителя<sup>56</sup>, будто бы не позволяют прийти к однозначным пессимистическим выводам. Но все названные события связаны между собой и по времени, и по региону, и в сюжетном отношении. Кроме того во всех упомянутых случаях кара носила «адресный» характер, регламентировавшийся не буквой закона или решением суда, а действиями, обусловленными голодом и ситуативными обстоятельствами внутригородских конфликтов в Киеве, на Северо-Востоке Руси и в Новгороде, отмеченными антицерковными языческими выступлениями<sup>57</sup>. Столь же экстраорди-

---

<sup>52</sup> Суд Ярославль ВолодимERICЬ. Правда руськая // *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999. С. 371.

<sup>53</sup> *Хачатуров Р.Л., Рогова О.В.* Русская Правда // Памятники российского права: В 35 т.: Т. 1.: Памятники права Древней Руси / под общ. Ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2013. С. 125; *Георгиевский Э.В.* Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси... С. 125.

<sup>54</sup> Появление приведённой статьи примечательно и тем, что, скорее всего, она была призвана предупредить конкуренцию церковной и княжеской юрисдикции. Уже упоминавшийся обвинитель епископа Луки Жидяты холоп Дудик был, судя по всему, наказан церковными властями. Между тем, ложный донос предполагал разбирательство в княжеском суде. Аналогичная ситуация встречается при оценке ограблений епископов Леона и Феодора ростовских, чьи действия также подпадали под юрисдикцию не только канонического, но княжеского права. Правда, в ситуациях, когда дело касалось епископских злоупотреблений, княжеские власти были более осторожными и гибкими.

<sup>55</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 165-167.

<sup>56</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 170-171.

<sup>57</sup> *Мавродин В.В.* Народные восстания в Древней Руси. XI-XIII вв. М., 1961. С. 32-52; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII

нарный характер носило в 1096 г. перенесение в город Святополч юрьевской епископской кафедры. Так как это представляло собой массовое переселение жителей в более безопасный район ввиду угроз половецких набегов<sup>58</sup>. Подобным же образом надлежит рассматривать и месть, своего рода «суд», Андрея Боголюбского Киеву за смерть ростовского епископа Феодора<sup>59</sup>.

Но возвращаясь к проблеме монашества, необходимо отметить, что каноническо-правовое положение иноков было сложнее и неопределённой, чем это принято считать. Именно с представителями их среды связано наибольшее число случаев насилия и угроз в отношении жизни, здоровья, чести и материального благополучия. Печерский патерик, летописание и ранняя житийная литература доносят целый ряд таких казусов. В некоторых случаях об этом источники говорят прямо, но порой указывают не на сами примеры преступлений, а на виновных в них. Особенно впечатляет число свидетельств убийств и причинение вреда здоровью иноков. При этом подобные угрозы были актуальны не только в отношении «обычных» монахов, но и иноков, знатного происхождения. Пожалуй, самый яркий пример подобной правовой уязвимости русского монашества — мученичество отрёкшегося от престола князя-инока Игоря Ольговича. Обстоятельства его гибели в 1147 г. в Киеве от рук толпы исполнены драматизма<sup>60</sup>.

Смерть Игоря и сопутствовавшие ей события неоднократно привлекала внимание исследователей<sup>61</sup>. Однако для нас затронутая история интересна не политическими нюансами внутрдинастическо-

вв. // *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 113-131; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012. С. 101-134.

<sup>58</sup> При переселении жителей Юрьева ввиду половецкой угрозы, князь действовал не в интересах церкви, а в интересах своего населения (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 219; *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 154; *Михайлова И.Б.* Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века. СПб., 2010. С. 133).

<sup>59</sup> *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 117-118.

<sup>60</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 337-338.

<sup>61</sup> *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 165-170, 174-175; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв... С. 147-154; *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 186-191; *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 126-141; *Рудомазина Т.Б.* Убиение Игоря Ольговича: одна из повестей о княжеских смертях // *Жанрологический сборник.* Елец, 2004. Вып. 1. С. 22-30; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX-XIII веков... С. 224-246.



го противостояния Рюриковичей и динамическими процессами внутри правящих элит во второй трети XII столетия<sup>62</sup>, а иным. После своего отречения князь принял иноческие обеты и находился на территории обители, что, с точки зрения норм Эклоги, предоставляло ему право убежища. Но в итоге Игорь всё равно был убит и фактически истерзан разбушевавшимися киевлянами<sup>63</sup>. Пожалуй, это первая расправа городских жителей над представителем правящего дома. Прежде, после гибели трёх сыновей крестителя Руси в период «смуты Владимировичей»<sup>64</sup>, во время межкняжеских противостояний или в периоды городских выступлений подобного не происходило. Князь, чьи действия вызывали недовольство, как правило, изгонялся. Иногда его помещали под домашний арест. Порой неудачник заслуживал в свой адрес публичные оскорбления. Ему могли угрожать судом<sup>65</sup>. Более того, с отвергнутым горожанами князем могла уйти дружина, а в 1073 г. покинувший киевский стол Изяслав даже смог вывезти с собой великокняжескую сокровищницу, служившую ему в дальнейшем поддержкой, но однажды ставшую причиной конфликта с его европейскими союзниками<sup>66</sup>. Но каковы бы ни были внутрдинастические противоречия и как бы ни гневались горожане на князей, до 1147 г. ни один представитель рода Рюриковичей ни разу не отдавался на растерзание толпе, а сами горожане не решались на насилие в отношении князя<sup>67</sup>. В худшем случае, княжеский двор и дворы его людей подвергались погрому и разграблению<sup>68</sup>. Окутанное легендами убийство князя Игоря,

<sup>62</sup> Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 583-595.

<sup>63</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 349-354.

<sup>64</sup> См. подробнее: Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и её источник. М., 1957.

<sup>65</sup> Пример этого безуспешный, неудачный и в итоге несостоявшийся суд над Олегом Святославичем, отвергшим над собой какой-либо суд, тем более от неравных ему (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 220).

<sup>66</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 172-173; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М., 2002. С. 533-539; Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси... С. 54-66.

<sup>67</sup> Попытка И. Я. Фроянова представить события 1072 г. как попытку новгородских язычников принести в жертву князя Глеба неудачна, а высказанная им идея, по крайней мере, применительно к князю видится надуманной и необоснованной (см.: Фроянов И.Я. Древняя Русь IX-XIII веков... С. 116-134).

<sup>68</sup> В Киеве подобным разграблениям подвергались не только дворы князей, Изяслава Ярославича [1068], Святополка Изяславича [1113] и уже упоминав-

описанное под 945 г.<sup>69</sup>, в какой-то мере исключение. Правда, тогда смерть сына Рюрика стала результатом своего рода суда горожан и вполне может быть объяснена в контексте языческих нравов и отсутствия монополии ещё формирующейся киевской княжеской династии, вынужденной конкурировать с иными, местными, правящими родами. Даже расправа над детьми Владимира Святославича, Борисом, Глебом и Святославом, как и неправый суд над Теробовльским князем Васильком оставались во многом внутрисемейным делом. В таких случаях затруднения хоть, по меркам нашего времени, и радикально, но разрешались без участия широких городских кругов одними лишь людьми из княжеского окружения, действовавших, от имени своих князей. Единственным местом, где князя могла настичь смерть от руки не равной ему знати и даже простолюдина на протяжении всего затронутого времени оставалось поле боя. Таким образом, мученическая гибель Игоря стала первой в небольшой череде таковых расправ, совершившихся по воле толпы. Следующий раз подобный самосуд над князем толпа совершила через 25 лет во Владимире, убив Андрея Боголюбского. Однако последний не был монахом.

В рассматриваемой истории смерти князя-инока примечательно по крайней мере ещё четыре обстоятельства. Во-первых, сместивший Игоря Изяслав не сумел защитить своего предшественника, лишённого возможности покинуть город и находившегося едва ли не в положении заложника. При том, что новый киевский князь едва ли должен рассматриваться в качестве инициатора учинённой расправы, но во многом: словами и поступками, – а также действиями своих людей он, несомненно, спровоцировал зачинщиков беспорядков и городскую толпу к жестокости, создав прецедент городского самосуда над бывшим правителем Руси. Во-вторых, уйдя в монастырь и приняв постриг, Игорь так и не получил полноценной защиты от церкви в лице митрополита и обители. Во время городского бунта за князя как будто бы вступился митрополит. Но хотя он и «взбронил» толпе идти к Феодоровскому монастырю, в котором укрывался Игорь, но так и не вышел к горожанам. Похоже, первосвяtitель ограничился лишь призывами. Что же касается, иноков Феодоровской обители, то судя по расказу, те просто разбежались, оставив храм и монастырь открытыми перед воинственной толпой. Впрочем, весьма показательно, что мона-

---

шегоса Игоря Ольговича [1147], но и близких к ним людей из числа дружинной и городской знати (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 161; 275-276; 352).

<sup>69</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 42-43.

стырь едва ли мог защитить своих обитателей. Угрозы со стороны горожан в отношении киевских обителей уже звучали прежде, в 1113 г. Тогда знатные киевляне настаивая на вступлении Владимира Мономаха на престол, угрожали в случае отказа подвергнуть разграблению монастыри. Правда, в 1146 г. некоторые ктиторские городские обители всё же были опустошены горожанами. Но справедливости ради необходимо признать, что Игорь был выведен из храма. Его убивали на улице. При этом летописец не упоминает ни о каких погромах в самом монастыре<sup>70</sup>. В-третьих, поражает то безразличие, с каким отнеслись иноки и духовенство к брошенному на мостовую мёртвому телу князя. О нём беспокоились только, прежде пробовавший защитить его едва ли не ценой собственной жизни, Владимир Мстиславич и посланный им тысяцкий. Примечательно, что игумен Феодоровской обители Онанья, чьим постриженником был Игорь, прибыл в Михайловскую церковь, в которой было положено тело убитого князя, только тогда, когда его туда послал митрополит. Описывая произошедшее, летописец замечает весьма важную деталь. Лежавший в церкви Игорь был наг. Из этого можно заключить, что местные клирики и здесь побоялись позаботиться о теле и христианском напутствии князя-инока. Наконец, четвёртое обстоятельство. Убийцы князя, нарушившие принципы неприкосновенности лица, нашедшего убежище в церкви, так и не предстали ни перед княжеским, ни перед церковным судом.

Таким образом, жизнь древнерусского монаха, даже если тот был князем, не была защищена ни церковным, ни княжеским правом, что само по себе заслуживает значительно более детального исследования и осмысления.

#### Источники и литература:

1. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М.: Академический Проект, 2009. 538 с.
2. Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский. М.: Водолей Publishers, 2007. 320 с.
3. Гаген С.Я. Византийское правосознание IV-XV вв. М.: Юрлитинформ, 2012. 304 с.
4. Гайденко П.И. Ещё раз о суде над Лукой Жидятой (1055-1059 гг.) // Каптеревские чтения. 7. / отв. ред. М. В. Бибиков. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 53-63.
5. Гайденко П.И. Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культу-

---

<sup>70</sup> Очевидно, что убийцам Игоря не были чужды христианские чувства, и они, опасаясь греха, не решились совершить свой суд над князем в священном месте, в храме или на территории монастыря, убив Игоря в городе.

- ра: В 3 ч. / отв. ред. В. В. Мильков. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. Ч. 2. С. 139-157.
6. *Гайденко П.И.* Священная иерархия Древней Руси: (XI-XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. 212 с.
  7. *Гайденко П.И.* Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 229-239.
  8. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI – середина XIII в.): Несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 45. 2011. № 12 (227). С. 106-111.
  9. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрощания» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. № 16 (270). С. 83-92.
  10. *Георгиевский Э.В.* Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М.: Юрлитинформ, 2014. 336 с.
  11. *Георгиевский Э.В.* Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М.: Юрлитинформ, 2013. 232 с.
  12. *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. XIV, 541 с.
  13. *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб.: СПбГУ, 2012. 412 с.
  14. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле // ГВНП / подг. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 56-57.
  15. Житие Авраамия Смоленского // БЛДР: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. С. 30-65, 456-459.
  16. Житие Феодосия Печерского // ПЛДР: XI — начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1978. С. 305-392, 456-458.
  17. *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и её источник. М.: АН СССР, 1957. 210 с.
  18. Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. СПб., 1880. Стб. 1-20.
  19. Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296-489, 641-667.
  20. *Колесов В.В.* Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. Словоуказатель. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
  21. *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб.: Алетейя, 2003. 300 с.
  22. Летописец о ростовских архиереях / сост. свт. Димитрий Ростовский. СПб., 1890. XII, 26 с.
  23. *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. СПб.: Алетейя, 2014. 256 с.

24. *Мавродин В.В.* Народные восстания в Древней Руси. XI-XIII вв. М.: Соцэкгиз, 1961. 118 с.
25. *Максимов В.И.* Стугна и Днепр или история утопления юного князя Ростислава, брата Мономахова, по тексту «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 16-17 / отв. ред. М. В. Первушин. М., 2014. С. 886-897.
26. *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI век. 2009. № 4. С. 112-155; № 5. С. 98-121.
27. *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI век. 2009. № 2. С. 116-155.
28. *Митрофанов А.Ю.* Церковное право и его кодификация в период Раннего Средневековья (IV-XI в.). М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2010. 426 с.
29. *Михайлова И.Б.* Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века. СПб.: СПбГУ, 2010. 288 с.
30. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2002. 784 с.
31. Неизвестны(х) словеса . изложено Георгием . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игоумену въпрашающу . оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: Индрик, 2004. Вып. 11. С. 233-255.
32. *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 207 с.
33. *Овчинников Г.К.* Иларион-Русин — выдающийся мыслитель Древней Руси (Очерки жизни и творчества). М.: МГИУ, 2011. 408 с.
34. *Ольшевская Л.А.* «Прелесть простоты и вымысла...» // *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. С. 233-252.
35. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. СПб., 1880. Стб. 83-102.
36. *Оспенников Ю.В.* Правовая традиция Северо-западной Руси XII-XV вв. М.: Юрлитинформ, 2011. 408 с.
37. *Петр (Гайденко П.И.), иером.* Кирилл Туровский и его время: наблюдения и замечания // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. Вып. 1(7). С. 93-114.
38. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
39. Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.
40. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2000. XII, 720 с.
41. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. 641 с.; Т. 2. 639 с.
42. Правило святыхъ отць 175. 5-го събора о обидящихъ церкви Божья и священныя власти ихъ // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1:

- Памятники XI-XV в. СПб., 1880. Стб. 145-146.
43. *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб.: Наука, 2003. 246 с.
  44. Псковская судная грамота (1397-1467): Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста / сост. И. И. Васильев, Н. В. Кирпичников. Псков, 1896. 91 с.
  45. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 240 с.
  46. Российское законодательство X-XX веков: В 9 т.: Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
  47. *Рудомазина Т.Б.* Убиение Игоря Ольговича: одна из повестей о княжеских смертях // Жанрологический сборник. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. Вып. 1. С. 22-30.
  48. Салическая правда / пер. Н. П. Грацианского; под ред. В. Ф. Семёнова // Учёные записки. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1950. Т. 62. 169 с.
  49. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.
  50. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 233-272.
  51. Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере // *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М.: Фонд «Мир»; Академический проект, 2013. С. 305-309.
  52. Слово св. Григория, изобретено в толщех о том, како первое погани суще язвци кланялися идолом и требы им клали // *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М.: Фонд «Мир»; Академический проект, 2013. С. 286-289.
  53. *Стефанович П.С.* Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Церковно-исторический вестник. 2007. № 1. С. 117-133.
  54. Суд Ярославль Володимеричъ. Правда руськая // *Зимин А. А.* Правда Русская / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Древнехранилище, 1999. С. 366-380.
  55. *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. // *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 42-232.
  56. *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб.: Алетейя, 2003. 224 с.
  57. *Ужанков А.Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: Академкнига, 2014. 350 с.
  58. Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв ред. Л. В. Черепнин. М.: «Наука», 1976. С. 16-19.
  59. Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 85-91.
  60. *Фомина Т.Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М.: Университетская книга, 2014. 360 с.

61. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.
62. *Хачатуров Р.Л., Рогова О.В.* Русская Правда // Памятники русского права: В 35 т.: Т. 1.: Памятники права Древней Руси / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 11-138.
63. *Цветков С.Э.* Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054-1212. М.: Центрполиграф, 2009. 527 с.
64. *Цытин В., прот.* Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 864 с.
65. *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового новгорода. М.: Языки славянских культуры, 2008. 400 с.